

16+

Никита Палаханов

Попутчик

Рассказ

Никита Палаханов

Попутчик

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Палаханов Н. К.

Попутчик / Н. К. Палаханов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Рассказ о том, как немолодой доктор за поездкой разговорился со своим попутчиком – юношей. Он поведал ему историю о судьбе весьма странного человека.

Никита Палаханов

Попутчик

I

– И что же вы не завтракаете, молодой человек? Чего-то ждёте?

– Спешил на поезд и ничего не взял с собой.

– Ох, так это не беда, молодой человек. Отведайте вкусное и питательное яичко. Не стесняйтесь, берите. Дорога длинная.

– Спасибо!

– А знаете ли, молодой человек, что куриное яйцо – уникальный продукт. Природа упаковала в нём белки и жиры в количестве и пропорциях, нужных и достаточных для поддержания жизни и развития её отпрысков. Поэтому тот, кто съедает каждое утро хотя бы одно яйцо, открывает шкатулку с драгоценностями для своего желудка. Только не бейте его сильно, а то вы уж размахнулись.

– Почему не бить?

– Оно у вас может растечься. Я обожаю яйца всмятку.

– Ну, тогда от вашего угощения мне придётся отказаться.

– Это почему же?

– У меня нет ложки, чтобы съесть его.

– Ох, так это не беда! У меня большой выбор ложек. Так, где мой чемоданчик? Здесь его нет и тут его нет... Куда ж я его дел? Вроде рядом стоял...

– А это не тот, что наверху?

– Может быть... И вправду! Ох и склероз, склероз – нашествие хромых стрекоз. Ну-ка поглядим, что здесь. Давно его не открывал, в последний раз вчера, перед отъездом. И какую ж вам ложку дать? Так, наверное, вот эту – чайную с эдельвейсом – для яйца идеально подойдет. Держите.

– Благодарю!

– Не стбит–, молодой человек, я рад, что моё увлечение помогает хоть кому-то кроме меня.

– Вы занимаетесь ложками?

– Да. Я их собираю. В этом чемоданчике только самые ценные для меня, а если бы в отпуск взял их все, то не хватило б ни чемоданов, ни поездов.

– Наверное, у вас их большая коллекция.

– Настолько большая, что жена не знает, куда деваться от этих ложек. Говорит, забросил и себя, и её, и дачу; только ложками, своими и занимаюсь. Я и на море то еду, потому что жена отправила. Она думала, что за две недели отвыкну, переключусь; по правде сказать, я и сам так думал..., но только вчера вечером улучил момент и, пока она была на кухне, припрятал любимые ложки в чемодан. Ох, и чувствую, достанется мне от неё по приезду!

– Я смотрю, вы страстно увлечены своим делом.

– На самом деле я врач, а ложки это так – развлечение, хобби, как сейчас говорят. И так получилось, что дело, которым я занимаюсь, и коллекционирование вошло в мою жизнь почти одновременно. И как не странно, всё началось со знакомства в ординатуре с моей будущей женой, она то и прирастила меня ко всяким ложкам на свою голову.

– Наверное, вы и ранее интересовались ими?

– И, и – ничуть! До того момента я относился к ложкам также как и вы и как другой нормальный человек, как к инструменту, с помощью которого можно размешать сахар в чае или отведать вкусного горячего борща. До того момента, когда настала годовщина нашей свадьбы. Помню, как будто это было вчера, жена подарила мне серебряную ложку с архангелом

Гавриилом на черенке. Сейчас вам покажу – вот она. Поглядите, какая маленькая чайная красавица. Так вот, на следующий день мне пришла в голову дурная мысль собрать остальных семь ангелов. Я собрал их за месяц, а за последней, вот этой, избродил весь город. С тех самых пор и понеслось.

– С тех пор вы и дня не можете прожить без ложек?

– Да, молодой человек, не могу. Но в этом своём увлечении я не вижу более странности, чем в увлечении современных молодых людей смотреть в телефоны часами напролёт. Когда находит скука, но ничего не хочется делать: читать газеты, журналы, и телевизор смотреть тоже, я открываю сервант или, как сейчас, свой чемоданчик и берусь разглядывать мне на глаза попавшуюся ложку, как, например, вот этот прекрасный экземпляр серебряной ложки. Она предназначена для варенья. Вот, поглядите на её индивидуальность, на её витиеватый черенок. Замечательно. Не правда ли?

– В ложках я не специалист, но вам доверюсь, как пациент доктору.

– За доверие спасибо! Но это ещё не самое интересное, самое интересное кроется как всегда в деталях и тут без лупы не обойтись. Поглядите-ка: здесь проглядывает оттиск пробы «84». Видите? С ней же, на одной плашке, можно различить городское клеймо: императорская корона парит над двумя волнистыми полосами, означающую реку Оку – это герб Калуги. Такое совместное расположение пробы и герба говорит нам о том, что ложка эта была произведена между 1880 и 1890 годом. Чуть ниже можно различить нечёткое клеймо мастера «НБ» или «ВБ», то есть мастеров серебряного дела Билибина Николая Васильевича, либо Билибина Василия Николаевича. Но эта лишь сухая информация, гораздо интереснее разглядывать рисунок на черпаке.

– Вы в этом искусно разбираетесь.

– На самом деле книг по этому делу не так уж и много, поэтому есть возможность изучить их все.

– Я, к сожалению, лишён страсти коллекционирования и не могу в полной мере вообразить и представить себе, что испытывает коллекционер, когда в сотый раз рассматривает какой-нибудь экземпляр или приобретает что-то новое, но есть друзья, которые этим занимаются. И знаете..., они отличаются от вас.

– Ох, и заинтриговали, молодой человек. И чем же? Позвольте узнать.

– А тем, что они свято оберегают свои сокровища, пылинки с них сдувают и никому в руки не дают, даже мне – другу детства – будто я чёрт какой-то, в коих руках так и загорятся редкие марки или ассигнации. А вот вы очень непринуждённо отдали мне ложку из своей коллекции, можно сказать незнакомому человеку.

– Вот вы, молодой человек, и подобрались к одной из изюминок коллекционирования ложек. Вот, возьмём, к примеру, филателиста. Может ли он использовать свою марку по назначению: наклеить её и пустить конверт? Наверное, вряд ли. А может нумизмат расплатиться любимой монетой за чашечку кофе? Тоже маловероятно. А я могу дать ложку любому своему приятелю, как например вам, и не беспокоиться за её сохранность. В этом то и заключается одно из достоинств коллекционирования такого изумительно красивого и полезного предмета.

А вы, молодой человек, чем занимаетесь?

– В смысле работы?

– Да в любом.

– Ну, как я сказал, коллекционирование не для меня; в основном в парках гуляю с девушкой или в кино ходим в свободное от работы время.

– И где же вы работаете?

– Программистом в частной компании. Разрабатываю программное обеспечение на периферийные системы, такие как видеонаблюдения или пожарной безопасности.

– Интересная у вас работа.

– Интересная для интровертов: целый день перед монитором, а хочется иногда и живого общения.

– Это не беда, молодой человек, главное в работе это её наличие. В наш век цифровизации, в наш век индустриализации, в наш век ещё непонятно чего люди оторвались от земли родной и заплелись в небоскрёбы, в офисы и на фабрики, лишив себя, добровольно причём, возможности выращивать пищу, доить коров и печь хлеб. Деньги стали единственным средством к существованию, которая и даёт работа. Поэтому не расстраиваетесь и верьте в неё.

– Если я не буду верить в свою работу настолько хорошо, чтобы не совершать ошибок, то это неверие не принесёт вреда окружающим: ошибку в программном коде заметят ещё на этапе отладки; а во врачебном деле нелегко: если доктор совершит ошибку, то она трагичным образом может отразиться на его подопечных.

– Никто не застрахован от ошибок, молодой человек, и доктора в этом не исключение... слава богу, что нам помогает сама матушка-природа, сделав геном человека на 99 и 9 % одинаковым, будь он африканцем, малазийцем или русским. Мы с вами устроены по единому плану, хотя можем иметь разные взгляды на жизнь, но от этого суть наша не изменится, поэтому и болезни человеческие одинаковы, будь они духовны или телесны. В нашем деле, молодой человек, главное поставить правильный диагноз.

– Но ведь болезней на свете много.

– Да, и они все изучены.

– И по каким же вы специалист?

– По болезням кишок. Я проктолог.

– Вы, наверное, много общаетесь с людьми?

– Не без того, молодой человек, больше, правда, по медицинской части. Вот раньше было: люди дружные, разговорчивые, знакомиться друг с другом было легко. Заходит, например, ко мне пациент, а я его спрашиваю: как поживает его Вера Павловна, как вместе в санаторий ездили и хорошо ли там было, как Люба, внучка, в детском садике прижилась и так далее и так далее; что ни пациент – то знакомый или друг. И приходили они больше даже не по болезни, а для общения. А сейчас же как?

– И как же?

– Приходят все незнакомые – поличил, попоил и помни как звали. Войдёт в кабинет пациент и сразу с официоза: как зовут, сколько лет, что болит и как болит. Время на человеческие и душевные беседы уже не осталось, потому что за Иваном Ивановичем записан Иван Андреевич, а за Иваном Андреевичем записан Александр Викторович, и тянется эта цепочка до шести часов вечера; я ведь один на районе проктологом остался. Иногда ощущаю, что это не поликлиника, а конвейерный цех.

– Ну, значит вы ценный для общества человек.

– Быть может, быть может... Но куда мне эту ценность девать? Я и без ценности бы всех лечил, кто ко мне пожаловал. И что ж ещё разочаровывает: люди стали слабее и беспечнее – приходят они, когда уже что-то запущено или когда их неделю донимает обстипация.

– Это...

– Правильно думаете, молодой человек, но вам портить не хочу обеда. Расспросишь человека, поглядишь ему в лицо, ну а потом берёшься за дело, за его gestum. И, уверяю я вас, что это не самое тёмное и малоприятное место. Об этом у меня есть даже одна история. Хотите её послушать?

– Я люблю истории, доктор, тем более когда впереди тысяча километров.

– Молодой человек, вы не представляете, как обрадовали старика, которого давно никто не слушает. Усаживайтесь поудобнее.

II

– Позволю задать ещё один вопрос: как вы добираетесь до работы?

– Ну, чаще на машине, или на автобусе, если машина на ТО, но такое совсем редко случается.

– И далеко ли вам ехать?

– Около часа.

– Не близко выходит... Я, когда был моложе, до поликлиники ходил пешком, но потом матушка-лень взяла вверх и пересадила меня в маршрутку. Дохожу до остановки, дожидаясь своего номера, плачу водителю и сажусь на своё любимое заднее правое сидение, а на заднее левое лучше не садиться – опасно для здоровья. Но это я так – отвлёкся, перейду лучше к делу.

Было это осенью, ранним утром. Дождь уже пролился, и от того стало сыро и промозгло, да так, что клубил пар изо рта. Я как всегда в одно и то же время стоял на остановке в ожидании маршрутки, хотелось поскорее сесть в неё, но, как на зло, все они подъезжали переполненными. Пропустив первую, вторую, я сел, наконец, в третью и вынул из кармана заранее приготовленную мелочь, отдав её водителю. Как только я прошёл вовнутрь увидел человека, сидящего на любимом моём месте. Раздосадованный этим, мне ничего не оставалось делать, как занять место напротив.

Я, молодой человек, старых взглядов и не разделяю занятия молодёжи смотреть в телефон или, как они говорят, сидеть в телефоне, поэтому я из любопытства принялся разглядывать его. Он был чуть старше вас, одетый в стильное приталенное чёрное пальто, до начищенных туфель спускались тёмно-серые лощеные брюки, на шее, поверх пальто, был повязан широкий светло-коричневый шарф; лицо у него было красивое и мужественное с нависшими чёрными густыми бровями, скулы широкие и сходились в решительный подбородок, его карие глаза казались сосредоточенными, но в тоже время смотрели куда-то вдаль. Вид его хоть и был образцом европейской моды, но припухлости под нижним веком и расходящиеся от уголков глаз синие воспалённые морщины выдавали в нём большую усталость. Здесь ещё надо отметить, что пока я на него глядел, он ни разу не обернулся на меня, не посмотрел. Такое равнодушное отношение к себе оскорбляет.

Куда он ехал – я не знал, но по его виду, кажется, по важному делу. Так и проехали мы с ним в молчании, пока не пришло моё время выходить.

После этого я встретил его через неделю. Он сидел на том же месте, на нём была всё та же одежда и всё тот же сосредоточенный взгляд. Я начал размышлять, это знаете ли, как ставить диагноз: по внешним признакам нужно определить, чем пациент болен. Среди пассажиров, помимо своей шегольской одеждой, он выделялся тем, что никогда не доставал телефон и не слушал музыку; он всегда был отстранённым, как будто абстрагированным от мира. Мне показалось странным ещё и то, что у него ничего не было с собой, я имею в виду портфеля или маленького дипломата. Обычно человек, который едет на работу, берёт что-нибудь, ну, например, еду в контейнерах, кошелёк, важные документы или на худой конец ключи. А у него ничего не было вовсе: руки свободны, ладони чуть сжаты и были у него на коленях; эта поза хорошо соответствовала его взору. В этот раз мне захотелось с ним заговорить, выведать кто он такой, откуда взялся в наших краях и куда держит путь, но что-то меня остановило. Я ничего не спросил и пришёл в поликлинику снова озадаченный этим странным человеком.

Больше месяца не встречал я его, начало гаснуть и моё любопытство. Я почти забыл его, как вдруг одним утром он оказался на том же месте. Уж тогда я не стал откладывать знакомство до следующей встречи, которой может и не состояться. Недолго думая, я произнес:

– Как ваши дела?

Сразу он не обернулся, а через какое-то время. Когда он это сделал, я ощутил на себе тяжелый взгляд его карих и сосредоточенных глаз.

– Надеюсь, будет лучше, чем вчера, – ответил он недоброжелательно и улыбнулся, но как-то странно: глаза его не улыбались.

– У вас вчера был трудный день? – спросил я его, пытаюсь втереться к нему в доверие.

– Вчера я не сделал того, что сделаю сегодня – ответил он мне сухо и серьёзно.

– И по этой причине вчера я не видел вас в маршрутке?

Он ничего не сказал, а лишь отвернулся от меня и стал снова глядеть в окно напротив.

– Порфирий Иванович, – сказал я, и протянул ему руку.

Он молча отозвался всё тем же отрешённым взглядом и медленно протянул ладонь в ответ. Мы поздоровались.

– Я раньше вас не видел. Наверное, переехали? – спросил я, не отпуская его крепкой руки.

– Переехал, чтобы никто не нашёл, – угрюмо ответил он.

Признаться честно, молодой человек, я никогда не имел дело с такими людьми. Пациенты, с которыми мне довелось общаться, были разными: весёлыми и грустными, болтливыми и молчаливыми, но чтобы таинственными... Такое в моей практике происходило впервые.

От его тяжёлого ответа мне стало не по себе, и в тоже время мне всё больше хотелось узнать, кто же он такой.

– Вы от кого-то скрываетесь? – произнёс я.

– От трусости, – ответил он; глаза его оттаяли и вместе с этим приобрели живой и человеческий вид; он их опустил.

– По вашей наружности такого и не скажешь.

– Внешность обманчива, – сказал он голосом, отягощённый таким опытом.

– И всё-таки, куда ж вы едите?

– Туда, где дурная история должна закончиться, – ответил он мне, сдерживая нервозность.

Я понимал, что чем больше его спрашиваю, тем больше его начинаю раздражать.

– Но я явно не на работу, – допытывался я. Получилось, конечно, грубо. Не стоит так говорить с незнакомым человеком.

После этих слов его черные густые брови показались ещё более чёрными и густыми, скулы сжались, лицо приобрело раздражённый вид.

– Чего вы от меня хотите? – произнёс он сквозь зубы и посмотрел на меня проницательно.

– Я вас понимаю, иногда хочется побыть наедине с собой, но от тягостной ноши можно избавиться и простой беседой, – сказал я мягко, как говорю моим пациентам, желая их успокоить и отстранить от плохих мыслей.

– Да неужели? – съязвил он.

– Да, я так считаю. Порой разговор с другим человеком лечит лучше, чем лекарства.

– А я считаю, что ничего больше не нужно, если имеешь при себе вот это, – произнёс он и стал раскручивать свой пышный и широкий бежевый шарф. Когда он его раскрутил полностью и снял с шеи, то оказалось, что шарф этот не простой: он сложен надвое и сшит, образуя камеру по всей длине; на одном конце его была едва заметная молния, задрапированная длинными трикотажными висюльками. Попутчик расстегнул эту молнию и залез длинными пальцами во внутрь шарфа, от туда он достал кончик толстой плетёной бечевы. После этого он метнул ехидный взгляд в мой адрес и ухмыльнулся, наверное, от того, что заметил смятение.

– Ну что? Хотите общаться? – сказал он, ехидно улыбаясь.

Тогда я подумал, что незнакомцу либо действительно очень плохо, или очень хорошо, от того, что развлекается ездой в маршрутках и пугает любопытных врачей.

– С человеком всегда интересно общаться, тем более, когда его совсем не знаешь, – наконец ответил я, понемногу утихомирив сердцебиение.

Незнакомец изменился, вся скабрзность исчезла, и он снова стал таким, каким был в начале нашей встречи: тягостным и отстранённым. Он отвернулся от меня и стал старательно заматывать шарф.

К этому времени я уже понял, что не приеду на работу сегодня. К тому же маршрутка как раз проехала поликлинику, а потом и вовсе многолюдные остановки, пассажиры вышли, и я остался наедине со своим попутчиком.

О чём его спрашивать дальше я не знал: либо прикинуться непонимающим идиотом, посоветовав ему не прятать таким образом верёвку для развески белья, и тем самым окончательно собой разозлив, либо спросить его прямо о том, что подумал о нём и о его предстоящем деле.

Я выбрал второе.

– Зачем вам это? – спросил я. Незнакомец опустил голову и погрузился в тишину, мне же отступить было некуда. – Вы по праву можете считать меня назойливым человеком, но представьте моё положение.

– Какое б оно ни было, всё равно лучше, чем моё, – произнёс он хмуро.

– Как сказать... Я теперь ваш заложник.

– Это от чего вдруг? – спросил он, подняв от удивления решительные брови.

– После того как вы посвятили меня в часть своей тайны, вы сделали из меня заложника.

– В своей настырности сами виновны.

– Что случилось, того не вернуть. И теперь я не могу спокойно жить, если пройду мимо вас и не узнаю вашу историю.

– Человек просит помощи у самоубийцы? – сказал незнакомец и поднял свои тяжелые черные брови.

– Вот такая ситуация, – произнёс я коротко и очень глупо.

– Человек так устроен, что если не его проблема, то он её быстро забывает. Так что не стоит волноваться. Всё пройдет.

– А если не пройдет?

– Тогда мне станет легче, – произнёс он с лёгкой улыбкой.

– И от чего же? – спросил я.

– Страдания облегчаются осознанием того, что кроме тебя ещё кто-то страдает. Поэтому вы уже помогли мне.

– Может быть... но если я не узнаю вашей истории, а ограничусь лишь эффектным показом вашей бечевы, то шанс позабыть вас будет очень высок.

Наверное, поразмыслив, что назойливый тип просто так не отстанет, попутчик расслабил шарф и произнёс что-то очень тихо, так, что я только заметил, как зашевелились его губы. Он с неудовольствием покачал головой и глубоко вздохнул.

III

Что значит для человека друг? Для одних это тот, с которым можно поплакаться, доверить сокровенные тайны, излить душу, не опасаясь быть осмеянным или осужденным, для других – человек с которым не скучно и с которым приятно провести время, для третьих – поиметь что-то с пользой для себя, а для четвёртых – это может быть и одно, и второе, и третье вместе взятое. А что значит друг детства – лучший друг? Наверное, это братья, с той лишь разницей, что не по крови. Таковыми и являлись в моей истории попутчик и его друг Николай.

Кстати, здесь надо отметить, что я так и не узнал его имени. Может быть, потому что забыл, а может быть и не хотел (всё-таки в глубине души хотелось сохранить напущенную им таинственность). Но, чтоб облегчить вам восприятие этой истории, допущу вольность, и, присвоив себе право, коим обладают только родители, назову его Владимиром. Мне сдаётся, это старорусское имя как раз бы в пору подошло ему.

Владимир и Ники (так сокращённо обращался Владимир к другу) всю жизнь прожили вместе и всё делали вместе: гуляли, ходили в школу, в институт и даже добились того, чтобы вместе отслужить в армии в одном взводе. И настало им время определяться в жизни. Ники,

который был чуточку шустрее и имел весёлый нрав, с легкостью предложил другу заняться свадебным бизнесом. Владимир согласился, так как его увлечения фотографиями очень подошло бы под эту деятельность. Друзья открыли свадебное агентство. Ники был тамадой, а он – фотографом.

Дело спорилось, заказы росли и вскоре они стали самыми востребованными организаторами в городе. Ходит слух, что даже городской мэр заказал у них свадьбу своей внучки.

Говорят, что бизнес и дружба – вещи не совместимы. Может быть, но только не для наших героев. «Это всё враки, – говорили друзья тем, кто не верил их крепкой дружбе, – если мы вчера думали о том, как провести время, то сейчас думаем о том, где б найти время, чтобы его провести, – добавляли они и искренне смеялись неверию вопрошающих людей».

Вот так три года они шли в ногу с дружбой без предательств и лжи, три года, пока случай не пересек их путь. Это была самая обычная свадьба, самая обычная из тех десятков свадеб, которые оформили друзья. Никто из собравшихся не мог предположить, что она станет началом трагических событий, разрушившая судьбы троих, даже нет, четверых людей.

Пара на свадьбе была красивой: она – стройная молодая девушка, сквозь фату которой проглядывали голубые глаза, длинные кружевные перчатки белого платья поднимались чуть выше локтя, обнажая полные жизнью и молодости смуглые предплечья; он – тоже был под стать ей. Младшая сестра невесты понравилась Владимиру сразу же, как только он увидел её. Нет смысла долго расписывать какой красотой она обладала, достаточно сказать, что она была очень похожа на свою сестру.

Итак, Владимир влюбился в сестру невесты, и в этом не было б ничего плохого, если бы то же самое не сделал и его друг.... Образовался любовный треугольник, а эта фигура очень коварна. Она покалечила и покалечит жизнь ещё многим людям...

Как бы то ни было, теперь наши друзья в тайне стали соперничать друг с другом за её внимание. Но надо отдать им должное – они прибегали только к честным приёмам.

Вера, так звали красавицу, принимала любезные внимания и от Владимира и от Ники. Ей нравились ухаживания молодых людей. Не последнюю роль в её поведении играло и женское самолюбие, данное природой, и к тому же подогретое старательными и очень романтичными ухаживаниями наших героев.

Так продолжалось несколько месяцев. Совместный бизнес, как вы могли предположить, разлаживался на глазах, ведь друзья им почти не занимались, а Вера так и не смогла понять, кто же из друзей лучше. И не потому что она была глупой женщиной или меркантильной (такая могла бы подумать, что два друга лучше чем один), а потому что слишком уж похожи были они, только Владимир был чуть серьёзнее, а Ники чуть повеселее.

Одним вечером, оставшись наедине с собой, уставший от испорченного полёта на воздушном шаре (потеря управляемости не только не позволила ему эффектно проплыть мимо её балкона, но и могла привести к падению с большой высоты), Владимир долго думал и размышлял над происходящими перипетиями. И эти размышления навели его на мысль. Он вдруг понял одну важную и никогда не посещающую его доселе мысль: если кто-то из них не поступит своими желаниями, не уступит другому своего положения и останется эгоистичным по отношению друг к другу, то эти желания и эгоизм не приведут друзей к благополучному финалу, никто из них не будет счастлив, в том числе может пострадать и не в чем не повинная в этой истории Вера. К таким отрезвляющим мыслям пришёл наш герой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.